

Содержание

Часть 1. Джентльмен в саржевом костюме	3
Часть 2. Метод Тьюринга- Уинтерблоссома	139
Часть 3. Прикладная ихтиология	301
От автора	573

ЧАСТЬ 1

ДЖЕНТЛЬМЕН
В САРЖЕВОМ КОСТЮМЕ

*Человек может поверить в невозможное,
но никогда не поверит в неправдоподобное¹.*

Оскар Уайлд

¹ Пер. Константин Душенко.

«Мемфида»¹ подошла к причалу тяжело и грузно.

В ее старом и порядком проржавевшем корпусе не было изящества морской нимфы, скорее она напоминала уставшую и неуклюжую морскую корову, дотянувшую наконец до привычного стойла и удовлетворенно в нем замершую. Герти ощутил, как задрожала под ногами раскаленная палуба. Дрожь эта передалась его телу, от нее приятно и сладко заныли кости.

«Мемфида» качнулась своим неуклюжим, изъеденным океанской солью телом. На берег, разворачиваясь, потертыми шнурками полетели швартовы.

На причале, чудом не сшибаясь друг с другом, сновали портовые рабочие — десятки гибких тел в комбинезонах цвета хаки. Они показались Герти стайей вертких дрессированных обезьян вроде тех, что карабкались по решеткам вольеров

¹ Мемфида (*др.-греч.* Μέμφις) — одна из водных нимф древнегреческой мифологии. — *Здесь и далее примеч. авт.*

в лондонском зоопарке. Суета, многоголосый хор, в котором решительно невозможно было разобрать отдельные слова, мельтешение тел... Но этот хаос был упорядочен, просто по своим, непонятным новичку законам. Не прошло и минуты, как канаты оплели швартовочные тумбы, а с бока корабля свесился длинный язык трапа.

Герти через силу сделал глубокий вдох. Приятное возбуждение сменилось приступом подавленности. словно это не «Мемфиду», а его самого привязали к острову прочными канатами. Светло-серый сюртук из хлопчатой саржи¹ («Прекрасный выбор для джентльмена в тропическом климате! Немаркая и легко дышащая ткань!») показался тяжелым и неудобным, как рыцарская кираса. Саквояж и чемодан, которые он механически продолжал сжимать в руках все то время, что швартовался корабль, делались все тяжелее с каждой секундой.

— Добро пожаловать в Новый Бангор!

Герти поспешно обернулся. Наблюдавший за швартовкой офицер шутливо отдал ему честь. На рукаве кителя мелькнул знак: кругляш и две линии под ним. лейтенант? Сублиейтенант? Герти никогда толком не разбирался в морских званиях.

— Благодарю, — пробормотал он и, не зная, что сказать еще, на всякий случай добавил: — Прекрасная, кажется, погода?

¹ Саржа — ткань с диагональным переплетением нитей.

— Если верить термометру, девяносто градусов¹ с самого утра. Не завидую я здешним курам. Должно быть, они несут готовый омлет, успевай лишь подставлять тарелки...

— Жарковато, — признал Герти, обливавшийся потом, и оттянул врезавшийся в шею галстук.

— Полинезия, — сказал офицер таким тоном, будто это все объясняло. — Привыкайте. Здесь такая погода царит примерно четыреста семьдесят дней в году.

— Но в году лишь триста шестьдесят пять дней.

— Только не в полинезийском, — усмехнулся офицер. — В полинезийском гораздо больше. Здесь время тянется куда дольше, чем на континенте. Тропики.

Не зная, что на это ответить, Герти огляделся.

И первое, что он вынужден был отметить: раскинувшийся в бухте Новый Бангор решительно не походил на те изображения колониальных городов, что прежде ему попадались на открытках и в газетах. Остров не окаймляли рощи кокосовых пальм и песчаные, медового цвета пляжи. Не было видно и крытых тростником хижин, которые в представлении Герти были неотъемлемым атрибутом всякого колониального острова, пусть на дворе и конец девятнадцатого века. Не было даже леопардов, на которых Герти с удовольствием бы посмотрел — разумеется,

¹ 90° по Фаренгейту — приблизительно 32° по Цельсию.

в том случае, если бы эти леопарды находились на надежной привязи.

Новый Бангор с первого взгляда показался ему огромным и шумным. Рассыпанный по бухте и тянущийся, сколько мог охватить глаз, этот город словно изображал один из районов Лондона, с поправкой разве что на тропический климат и не вполне привычную архитектуру. Он был пестрым, невыразимо пестрым, и Герти подумалось, что город похож на самую настоящую свалку вещей, высыпавшихся через прореху в мешке старьевщика.

Не в силах сосредоточиться на чем-то одном, он блуждал взглядом без всякой системы, выхватывая из этого пестрого вороха то один предмет, то другой, точно жадная хозяйка, вытягивающая предметы из тачки старьевщика. Новый Бангор — настоящий, а не тот, что представлялся Герти во время долгого пути, — появлялся перед ним кусками, причем куски эти оказались нагромождены друг на друга. Старые, выгоревшие под солнцем коробки портовых складов; кажущиеся ржавыми кирпичные постройки; спицы телеграфных столбов; покачивающиеся, точно сытые гуси в пруду, корабли...

Герти почувствовал легкое головокружение, которое списал скорее на слишком большую порцию свежих впечатлений, чем на отчаянно воняющий рыбой, краской, водорослями и металлом порт. Никогда прежде не покидавший Лондона, он оказался подавлен незнакомым ему городом — огромным, шумным и состоящим

из великого множества частей. Это был совсем не тот тихий сонный колониальный городок, что он представил, едва взяв в руки командировочное удостоверение.

Герти промокнул платком вспотевший лоб.

— Никогда не были в тропиках? — поинтересовался офицер, про которого Герти уже успел забыть.

— А? Нет, не доводилось.

— Этот климат здорово выматывает, особенно с непривычки. Старайтесь не проводить много времени на солнце и пейте лимонный сок.

Герти улыбнулся. У его улыбки оказался столь кислый привкус, словно он уже съел лимон целиком.

— Это поможет?

— Главное, разбавлять его джином в нужной пропорции. Не волнуйтесь, Новый Бангор — вполне милое местечко, если обвыкнуться. Здесь нет малярии, а это уже многого стоит, уж поверьте.

— Не сомневаюсь, что в этой части света даже малярию приходится доставать с трудом...

Офицер с удовольствием рассмеялся. Зубы у него были крупные и белые, как выбеленные океаном кости китов.

— Сберегите свое чувство юмора, приятель. Здесь такого не найти, английский товар... Вы из Лондона?

— Да.

— Я отчего-то так сразу и подумал. Странно, ваше лицо мне незнакомо. А я считал, что видел всех пассажиров на «Мемфиде».

— Признаться, большую часть времени я провел в своей каюте. Эта качка и, знаете, океанский воздух...

— Да, нашу старушку «Мемфиду» качает, как ирландского пьяницу в пятничный вечер, это правда. Простите, как вас зовут?

— Уинтерблоссом, — Герти улыбнулся, как и полагается вежливому молодому человеку, каким он себя искренне считал, — Гилберт Уинтерблоссом.

— Что ж, мистер Гилберт Уинтерблоссом, желаю вам приятного отдыха в Новом Бангоре!

Герти нахмурился, немного уязвленный. Он знал, что его молодость подчас слишком бросается в глаза, несмотря на строгий деловой костюм и шляпу-котелок, как и то, что она часто производит невыгодное впечатление на собеседника. Наверняка этот офицер решил, что Герти относится к сорту молодых людей, что колесят по колониальным городам южного полушария, мня себя поэтами в поисках вдохновения, но на деле оказываются самыми легкомысленными гуляками.

— Я здесь не для отдыха, — внушительным тоном заметил Герти, немного надвигая котелок на глаза, чтоб выглядеть солиднее.

— Никогда бы не подумал, что вы здесь по делам службы. Вы торговый агент? Каучуковые плантации? «Рэндольф и сыновья»?

— Нет, не имею никакого отношения к торговле.

— И вы не инженер?

— Я деловод.

— О, — сказал офицер.

Это «О» показалось Герти окружностью увеличительного стекла, сквозь которое его вежливо рассматривают, от подметок начищенных лаковых ботинок до верхушки котелка.

— Извините, — сказал наконец офицер. — Редко приходится видеть здесь на палубе клерка. Не самая ходовая профессия на острове, если позволите заметить.

Извинялся он зря, в его тоне не было ничего оскорбительного. А вот во взгляде промелькнула толика легкой презрительности. Для расшифровки которой Герти не понадобилась бы энциклопедия всех видов человеческой презрительности.

Этот офицер, пропахший океаном и табаком, отлично сложенный, чувствующий себя как дома на скрипящей и обжигающей палубе, не мог испытывать иного чувства к племени деловодов — прикованных к печатным машинкам рабов пыльных контор. Он был слеплен из совсем другого теста, из которого, вероятно, выпекают дубовой твердости корабельные галеты. Если так, Герти на его фоне должен был выглядеть рассыпчатым пшеничным бисквитом.

Герти постарался незаметно расправить плечи и придать лицу несколько расслабленное выражение.